

А зори здесь тихие...

В списках не значился

Василий Теркин

Дорогие мои мальчишки

Мертвым не больно

Неизвестный солдат

Обелиск

Сын полка

ЛЕВ
КАССИЛЬ

ДОРОГИЕ
МОИ
МАЛЬЧИШКИ

МОСКВА
2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К28

В оформлении переплета использована фотография
«Учащиеся школы фабрично-заводского обучения (ФЗО)
изготавливают десятилепестковые мины
для 82-мм батальонных минометов»
Автор А. Бродский / РИА Новости

Кассиль, Лев Абрамович.
К28 Дорогие мои мальчишки : повесть / Лев Кассиль. —
Москва : Эксмо, 2025. — 224 с. — (День Победы. Классика военной литературы).

ISBN 978-5-04-217851-1

Всю Великую Отечественную войну Лев Кассиль (1905–1970) работал в тылу: ездил в воинские части, школы, на заводы, выступал по радио. Лев Абрамович хорошо знал положение дел в стране, где к станкам встали старики, женщины и подростки. О них он и написал — о тех, кто работал под лозунгом «Все для фронта, все для Победы» на Судоремонтном заводе в Рыбачьем затоне. О ребятах, которым пришлось быстро повзропеть, принять на себя огромную ответственность, но которые при этом остались детьми, любящими игры и приключения. Одновременно добрая и драматичная повесть стала классикой отечественной литературы.

Книга рекомендована для внеклассного чтения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кассиль Л.А., наследники, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-217851-1

Глава 1

ТАЙНА СТРАНЫ ЛАЗОРЕВЫХ ГОР

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которых не нанесли на карту лишенные воображения люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синегорию — никому не ведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свел дружбу с прославленными Мастерами-синегорцами Амальгамой, Изобаром и Дроном Садовая Голова.

С техником-интендантом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда плавал на Северном флоте. Гай был здесь синоптиком одного из военных аэродромов Заполярья, пожалуй самого северного авиационного стойбища мира. Место это обозначено на карте, но нам от этого было не легче. Мы бы скорее предпочли, чтобы немцы считали, будто этой маленькой

каменистой площадки, острозубых скал и мшистых сопок вообще нет на свете. Может быть, нас тогда оставили бы в покое...

Полярный круглосуточный день не давал нам ни сна, ни отдыха. Нас бомбили с утра до вечера, а утро в этих краях началось недель пять назад, и до вечера надо было ждать еще не меньше трех месяцев. Раз по десять в сутки нам приходилось залезать в щели, а над головой взлетали обломки расколотых валунов, градом сыпались пластинки шифера.

По сигналу «воздух» Сеня бросался снимать с маленькой вышки полосатую матерчатую колбасу — длинный сачок для ловли ветра, — хватал термометр и еще какие-то приборы, и всегда бывало так, что являлся он в укрытие последним, когда все уже кругом ухало, трещало и сыпалось.

— Сегодня, кажется, дают на все двенадцать баллов, — негромко ворчал он и, роясь в каких-то прихваченных им бумажках, тихонько мурлыкал про себя песенку, которую я уже не раз слышал от него:

И, если даже нам порой придется туда,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Я знал, что Сеня Гай между делом пишет стихи. И вообще мне было известно о нем все, что может быть известно о человеке, с которым уже две неде-

ли живешь в одном блиндаже. А с Гаем мы быстро сошлись. Оба мы были волжане и наверняка знали, что нет на свете реки лучше, чем наша Волга. До войны Арсений Петрович Гай изучал направление и особенности ветров в волжском низовье, где летом всегда дует горячо и засушливо. Был он прежде учителем в средней школе, потом работал с пионерами. Он мог часами рассказывать увлекательнейшие вещи о погоде, о засухе, об изменчивых течениях воздуха. Он знал все ветры наперечет и обычно свой рассказ заключал фразой: «Мы всё еще изучаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их». И, сказав так, он снова брался за свои кальки, планшетки, карты и вычерчивал какие-то сложные кривые, напевая под нос:

Отца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага – наш девиз, – Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

– Это о каком же таком девизе вы распеваете, Сеня? – спросил я однажды у него, когда мы лежали рядом в укрытии и треск зениток, уханье бомб стихли настолько, что можно было уже разговаривать.

– Это в нашей Синегории... Ну, кажется, отбой. Пойду шар-зонд запущу, верхние слои прощупаю.

Так я впервые услышал о синегорцах. Естественно, мне захотелось узнать больше. Однако, когда я

пробовал расспрашивать Гая, этот большой, широкоплечий, громоздкий человек со свежим мальчишеским лицом смущался, отнекивался, обещал каждый раз рассказать при случае все подробно, но откладывал дело со дня на день.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и веселая тайна Гая очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаем: я очень привязался к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налета, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи базары, определял по положению валунов направление древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой березки-стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги. Гай много знал и умел обо всем рассказать по-своему, неожиданно; все вокруг — и мох, и валуны, и облака — открывало ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756-Ф», и заметил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась

радуга, и ее пересекала стрела, повитая плющом. Однажды пришел Гаю подарок — кисет и маленькое скромное зеркальце с крышкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено нечто вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд — Победа».

— Вот, — сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, — не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы — народ верный. Это, конечно, Амальгама сообразил... Синегорчики мои дорогие! — И он улыбнулся скрытно и застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, погляделся в него, потер коротко стриженную голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

— Ладно, ладно, — сказал он, — расскажу. Придет время — и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал еще достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора немножко осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже сам спросил:

— Ну, что в Синегории слышно? Как поживают синегорцы и этот... как его... Альбумин?..

— Амальгама, — чуть усмехнувшись, но тотчас снова став серьезным, поправил меня Арсений.

— Нет, правда, откуда же это письмо и кисет?

— Из Синегории... Откуда же еще?

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

— Улетаете сегодня?.. Ну что ж, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте все на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было темно-сиреневое после дождя и не совсем еще уходило. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полуопрозрачным концом слегка врезалась в горизонт и казалась потому совсем близкой. Истребители прошлись под радугой, как под огромной воздушной аркой. В капонирах, сложенных из камней, укрытые ветвями, притаились самолеты-штурмовики. Под навесом с маскировочной сеткой летчики играли в «коzла» и громко стукали о стол. Они играли молча и только крякали, когда с размаху выкладывали подходящее очко. В одной из близких землянок запустили патефон. Песня была про златые горы, про реки, полные вина, которые певец отдал бы за чей-то ласковый взор, — на, бери все, не жалко, только люби... И оба мы — Арсений и я — вздохнули вместе, хотя и каждый о своем.

— Ну ладно, — начал Арсений, — давайте расскажу.

Глава 2

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ МАСТЕРАХ

— Была некогда такая страна Синегория, — начал свой рассказ Гай. — И там, у Лазоревых Гор, жили работящие и веселые люди — синегорцы.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипрокво, живут Три Великих Мастера — славнейший Мастер Зеркал и Хрустала ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова!

Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник. Дрон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжелые, словно арбузы.

В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина. Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причем тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но, когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали легкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на

миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака трепал и рвал одежду людей. А люди шли, сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мел сухие листья по испорошенной земле, и ниоткуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестянной визг слышался отовсюду. Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

«Что произошло у вас?» — спросили у жителей озадаченные путешественники.

«Разве вы не знаете? — отвечали им. — Нас разорили ветры... Все пошло на ветер».

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон.

Король Фанфарон был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранченный в пух и прах и в конце концов пустил все свое состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король — болтун и что ни скажет — всё на ветер. И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон — самый подходящий для них, самый ветреный в мире король. Они слетались на остров и стали уговаривать Фанфарона:

«Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о король, мы раздуем твою славу на весь свет?»

«Дуйте!» — сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгера, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону. Специально назначенные королем начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди не закрывали вышками трубы своих очагов. Король окружил себя ветродуями и ветреницами. Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный Ветрочет, хитрый Жилдабыл, продувная бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Веера и высшим отличием — «Розой Ветров».

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров. Дрону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики. Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера — ничего больше. А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его. Ветры же ненавидели вообще

всякие стекла, потому что они мешали дуть в окна. А злой, алчный Жилдабыл запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушали их ветры. И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты, заставили теперь быть поставщиком мыльных пузырей. Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри, а Мастер Амальгама знал секреты особых составов. Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные. Они взлетали высоко и лопались не сразу. Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу...

Глава 3

ЗЕРКАЛО И ВЕТРЫ

Гай прервал свой рассказ и вынул из кармана трубку. Я тоже достал свою, угостил Гая морским табаком — «капитанским». Мы закурили. И Арсений Петрович продолжал:

— Тяжелые времена настали в Синегории. Злые ветры иссушали поля и сады; где шумели прежде леса, там теперь громоздился бурелом, где благо-